

ПОЛИС

2'2012

Политические
Исследования

Научный и культурно-просветительский журнал

Издается с 1991 г.

Выходит 6 раз в год

№ 2 (128) 2012

**Читайте
в следующих
номерах:**

Королевство кривых зеркал:
манипулирование массовым
сознанием

В. Иноземцев. Российская
экономическая политика после
президентских выборов

Ельцин и Путин:
демократизация
в сравнительной перспективе

Тезаурус:
"Политическая наука",
"Современный фашизм"

POLIS
www.politstudies.ru

Political Studies

Учредители:	НЕКОММЕРЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО "РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА "ПОЛИС" ("ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ")", ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ РАН, ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ "РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ"
Международный Консультативный совет:	И.К. ПАНТИН, А. БРАУН, Б. ВИТТРОК, Г.Г. ВОДОЛАЗОВ, А.А. ГАЛКИН, М.К. ГОРШКОВ, В.А. ГУТОРОВ, Б.Г. КАПУСТИН, И.М. КЛЯМКИН, Т. КОЛТОН, В.С. ЛАРСЕН, М. МЕНДРАС, В.В. МИРОНОВ, Е.Н. МОЩЕЛКОВ, А.И. НИКИТИН, Р. САКВА, Н. СИМОТОМАИ, А. СТЕПАН, А.де ТЕНГИ, Л.А. ФАДЕЕВА, А.Ф. ФИЛИППОВ, Ф. ШМИТТЕР
Редакционная коллегия:	Т.А. АЛЕКСЕЕВА, О.В. ГАМАН-ГОЛУТВИНА, В.Я. ГЕЛЬМАН, А.А. ДЕГТЯРЕВ, Н.В. ЗАГЛАДИН, А.Б. ЗУБОВ, О.В. КРЫШТАНОВСКАЯ, А.С. КУЗЬМИН, В.В. ЛАПКИН, М.М. ЛЕБЕДЕВА, О.Ю. МАЛИНОВА, Б.В. МЕЖУЕВ, А.Ю. МЕЛЬВИЛЬ, И.К. ПАНТИН, В.Б. ПАСТУХОВ, С.В. ПАТРУШЕВ, В.В. ПЕТУХОВ, Ю.С. ПИВОВАРОВ, Я.А. ПЛЯЙС, В.М. СЕРГЕЕВ, И.С. СЕМЕНЕНКО, Л.В. СМОРГУНОВ, А.И. СОЛОВЬЕВ, И.А. ХАЛИЙ, С.В. ЧУТРОВ, Е.Б. ШЕСТОПАЛ
Политический директор:	И.К. ПАНТИН
Главный редактор:	С.В. ЧУТРОВ
Редакция:	А.Л. БАРДИН, Л.Н. КУЗНЕЦОВА, М.В. ЛАПИНА, В.В. ЛАПКИН (первый зам. главного редактора), Е.В. МИХАЙЛОВА (ответственный секретарь), А.Н. КОКАРЕВА, А.Л. СИДОРОВ
Компьютерная верстка:	А.В. АЛЕКСАНДРОВ

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук. Он отвечает достаточному условию включения в Перечень – включения текущих номеров или переводных версий на иностранном языке в одну из систем цитирования (библиографических баз) Web of Science, Scopus, Web of Knowledge, Astrophysics, PubMed, Mathematics, Chemical Abstract, Springer, Agris.

СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ ЖУРНАЛА ПИ № ФС77-35342 выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия 17 февраля 2009 г.

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в нашем журнале материалов обращаться в Редакцию.

Страницы журнала всегда открыты для дискуссионных материалов, поэтому его содержание не обязательно отражает точку зрения Учредителей и Редакции.

© "Полис. Политические исследования", 2012

ПОЛИС

СОДЕРЖАНИЕ

4 Представляю номер

8 А.Ю. Мельвиль, Д.К. Стукал, М.Г. Миронюк
Траектории режимных трансформаций и типы государственной состоятельности

31 А.Б. Себенцов, В.А. Колосов
Феномен неконтролируемых территорий в современном мире

47 В.М. Сергеев, С.Н. Саруханян
Ближний Восток в поисках нового регионального центра

62 Н.А. Васильева, М.Л. Лагутина
К вопросу о предмете философии мировой политики

70 А.И. Неклесса
Будущее и грядущее: кризис современного мира

85 С.В. Лурье, Л.Г. Казарян
Мировая политика и ее прогностические индикаторы

98 Д. Лэйи
Гражданское общество в странах ЕС: идеология, институты и продвижение демократии

117 Круглый стол журнала "Полис"
QUO VADIS? Перспективы становления гражданского общества в России (Часть 1)

141 В.П. Макаренко
Общественный договор и проблема молчаливого согласия

152 В.В. Кочетков
Социальный вопрос и конституционализм

164 Е.В. Михайлова, А.Л. Бардин
Электронная библиотека по гражданскому обществу

166 Г.В. Пушкарёва
Политическое пространство: проблемы теоретической концептуализации

177 А.А. Казанцев
Либеральный подход к внешней политике России. На полях книги Владимира Петровского

182 И.И. Осинский
Кентавр-проблематика Жана Тощенко

186 Л.В. Поляков
Теория nation-building Святослава Каспэ

190 Содержание и аннотации на английском языке

**ТЕМА НОМЕРА:
МИРОВАЯ ПОЛИТИКА
ЭПОХИ ПЕРЕМЕН.
ПРОБЛЕМЫ
И ПРОТИВОРЕЧИЯ**

**ИДЕИ
НА ВЫРОСТ**

**ЛАБОРАТОРИЯ:
ГРАЖДАНСКОЕ
ОБЩЕСТВО
И СОВРЕМЕННОЕ
ГОСУДАРСТВО**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

**С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
ПОЛИТОЛОГА**

**РАЗМЫШЛЯЯ НАД
ПРОЧИТАННЫМ**

ТРАЕКТОРИИ РЕЖИМНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ И ТИПЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ¹

А.Ю. Мельвиль, Д.К. Стукал, М.Г. Миронюк

Ключевые слова: демократия, демократизация, режимные трансформации, государственная состоятельность, интегральный индекс демократии, кластерный анализ, метод главных компонент.

ВВЕДЕНИЕ

В этой статье мы продолжаем исследование факторов режимных изменений в посткоммунистических странах, стремясь объяснить причины различий в траекториях трансформаций и вводя в анализ в качестве возможной независимой переменной типы государственной состоятельности. Напомним, что в предшествующем анализе [см. Мельвиль, Стукал 2011] мы смогли с использованием количественных и качественных методов выделить наборы структурных и процедурных факторов, способных в разных соотношениях применительно к конкретным исследуемым странам оказывать влияние на происходящие в них режимные изменения. На основе осуществленного анализа, в том числе с учетом страновых “аномалий”, т.е. казусов, не соответствующих общим закономерностям, мы обосновали вывод о том, что действия политических акторов способны в решающих ситуациях определять реальную направленность и характер траекторий политических трансформаций и режимных изменений. Мы использовали разработанный в рамках проекта интегральный индекс демократии *PCADI* (*Principal Components Analysis Democracy Index*) и специально созданную базу данных по 29 посткоммунистическим странам за период 1989–2008 гг., включающую несколько десятков переменных (увы, с неизбежными пропусками, которые сужают реально участвующий в анализе массив государств).

Теперь мы хотим понять, как процедурные и структурные факторы влияют на различные траектории режимных трансформаций и как, в частности, с этим связаны разные типы государственной состоятельности. Для этого мы осуществляем кластерный анализ исследуемых режимных траекторий, даем им содержательную интерпретацию, строим модель типов государственной состоятельности и соотносим их с траекториями режимных изменений в изучаемых странах. На основе сочетания качественных и количественных мето-

МЕЛЬВИЛЬ Андрей Юрьевич, декан факультета прикладной политологии НИУ ВШЭ, заслуженный деятель науки РФ; СТУКАЛ Денис Константинович, младший научный сотрудник Лаборатории политических исследований факультета прикладной политологии НИУ ВШЭ; МИРОНЮК Михаил Григорьевич, доцент кафедры сравнительной политологии НИУ ВШЭ. Для связи с авторами: amelville@hse.ru; dstukal@hse.ru; mmironyuk@hse.ru

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2011 г. В статье используются материалы, полученные в рамках проекта “Анализ факторов развития и упадка государственности в социалистических странах Европы и Азии второй половины XX – начала XXI вв. с помощью количественных и качественных методов” (ТЗ-47.0) Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Помимо авторов статьи, среди участников проекта – М.В.Ильин, Е.Ю.Мелешкина, Т.Е.Хавенсон, О.Г.Харитоновна, М.А.Еременко, О.Т.Гаспарян, Е.И.Жарикова, Д.В.Сальникова, Д.И.Зверева и А.С.Утёмова.

дов анализа мы проверяем следующие гипотезы, вытекающие из предшествующего исследования и критического осмысления имеющейся литературы по данной проблематике:

1. В многообразии траекторий режимных трансформаций на посткоммунистическом пространстве могут быть выделены типологические группы, обусловленные особенностями сочетания структурных и процедурных факторов.
2. Эмпирическое моделирование государственной состоятельности позволяет операционализировать ее как пятимерный концепт, включающий в себя внешнюю безопасность, внутренний порядок, легитимность, управленческую способность и создание условий для развития.
3. Пятимерное понимание государственной состоятельности позволяет выделить в массиве посткоммунистических государств содержательно различные группы, соответствующие различным типам государственной состоятельности.
4. Типы государственной состоятельности и траекторий режимных трансформаций связаны друг с другом.

Представляемые в этой статье результаты исследования являются предварительными. Мы заинтересованы в содержательной дискуссии с коллегами.

ТРАЕКТОРИИ РЕЖИМНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

Для измерения уровня демократии в посткоммунистических государствах мы использовали введенный нами ранее [там же] интегральный индекс демократии *PCADI*, получаемый с помощью метода главных компонент из двух индексов: *Polity IV* и *Freedom House*. *PCADI* представляет собой первую главную компоненту, извлеченную из двух указанных индексов и шкалированную так, чтобы минимальному уровню демократии соответствовал нуль, а максимальному – значение десять.

Вычисленный таким образом интегральный индекс демократии лег в основу операционализации понятия траектории режимных трансформаций. Под ней понимается последовательность значений интегрального индекса демократии для данного государства в течение 1989–2008 гг. Визуально траектория может быть представлена в виде графика, по горизонтальной оси которого отложены годы, а по вертикальной – значения индекса. Каждая точка соответствует сочетанию “год – значение индекса”; соседние точки соединены отрезком (см. Приложение 1). Колебания полученной для каждого государства кривой (их амплитуда и частота) позволяют характеризовать динамику режимных трансформаций.

Несмотря на своеобразие политической истории каждого рассматриваемого нами государства, специфические пути “выхода из коммунизма”, состоявшие из конкретных действий политических лидеров в определенных контекстах, возможно выделить типологически различные группы схожих траекторий, характер и сходство которых могут быть обусловлены множеством факторов. Выявление таких групп представляет, на наш взгляд, интересный и перспективную исследовательскую задачу, поскольку потенциально позволит систематически изучать процессы политических трансформаций, определять причины наблюдаемых на посткоммунистическом пространстве различий в направлениях и характере режимных изменений, а возможно, и прогнозировать дальнейшую эволюцию политических режимов.

типологические группы были нами получены на основе интегрального индекса демократии с помощью иерархического кластерного анализа и именуются в дальнейшем кластерами. Объектом кластеризации выступал набор государств, характеризующихся двадцатью значениями PCADI (за 1989–2008 гг.) и понимаемых поэтому как точки в двадцатимерном пространстве, каждое измерение которого соответствует уровню демократии в один год. Государства со сходной траекторией – это государства со сходными значениями индекса демократии во все годы, т.е. точки, лежащие близко друг к другу в анализируемом многомерном пространстве. Выявление групп близлежащих точек основывалось на измерении дистанции между ними посредством квадрата Евклидова расстояния, а также применении метода Варда объединения кластеров. Выбор метода Варда обусловлен его определенной предпочтительностью, выявленной путем компьютерного моделирования [Gore 2000: 297–321; Scheibler, Schneider 1985: 293–304].

Реализация кластерного анализа позволила выделить шесть кластеров, отражающих различные типы режимных траекторий рассматриваемых нами посткоммунистических государств (графики сгруппированных по типам режимных траекторий приведены в Приложении 1). Дополняя кластерный анализ качественным сравнительным анализом, мы определяем полученные группы следующим образом:

- (1) *к демократической консолидации* (Болгария, Венгрия, Латвия, Литва, Монголия, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Чехия и Эстония);
- (2) *по пути к демократии* (Албания, Грузия, Македония, Молдова и Украина);
- (3) *прорыв к демократии* (Сербия и Хорватия);
- (4) *проблемные траектории* (Армения, Киргизия и Россия);
- (5) *по пути к автократии* (Азербайджан, Беларусь, Казахстан и Таджикистан);
- (6) *консолидированные автократии* (Туркменистан и Узбекистан).

В первом кластере (“К демократической консолидации”) мы видим посткоммунистические страны, добившиеся в целом значительных (по сравнению с представителями других кластеров), хотя и несколько различающихся (внутри кластера наблюдаются некоторые различия), результатов в продвижении к консолидированной демократии. В большинстве своем они (за исключением Монголии, которая во многом является специфической “аномалией”) обладали достаточно благоприятными (хотя опять-таки в разной степени) структурными условиями для демократии. Однако их стабильно восходящие трансформационные траектории явились прежде всего результатом определенных стратегических решений ключевых акторов в пользу демократических “правил игры”, отказа от “коммунистического прошлого” (разной степени категоричности) и их четкой ориентации на Запад (в духе “возвращения в Европу”, за исключением Монголии). Трансформации, как правило, начинались на фоне роста недовольства обществом старыми порядками, что сопровождалось или расколами в правящих коммунистических партиях и появлением в них реформаторского крыла, способного некоторое время возглавлять процесс перемен, и/или оформлением оппозиции, с которой нельзя было не считаться даже противникам перемен, быстро терявшим поддержку населения. Программы оппозиции имели демократический (и нередко националистический) характер. Реальные механизмы перехода к демократии были преимущественно свя-

заны с практиками круглых столов или “варшавских революций” (имела место и в Монголии). Трансформационные процессы практически не сопровождались насилием ни до, ни после быстротечного распада или контролируемого демонтажа “старого режима”. Некоторым исключением является Румыния, где в конце 1989 г. имело место восстание против недолго сопротивлявшегося режима, а в 1990-е годы происходили эпизодические всплески насилия (в виде масштабных уличных столкновений). Особенности институционального дизайна определялись формированием сильных парламентов, а также структурированием сильных оппозиций, зачастую апеллировавших к докоммунистическим традициям в качестве источника собственной легитимности.

Во втором кластере (“По пути к демократии”) – посткоммунистические страны, траектории трансформаций которых (по сравнению с первым кластером) более неровные, “ухабистые”. Эти страны стартовали, имея различные структурные условия, и испытали различные политические кризисы разного масштаба и остроты, в том числе связанные с существующими в обществе расколами программно-политического и неполитического (этнического, территориального) характера. Существенной проблемой нередко становился подъем националистической оппозиции, межэтнические и иные конфликты и даже территориальные потери. Кластер государств, “стремящихся к демократии”, является свидетельством того, что строительство демократических институтов в условиях расколов, которые могут вылиться или уже вылились в гражданские конфликты, при одновременной необходимости осуществлять политические и социально-экономические реформы часто бывает непоследовательным, сопровождается задержками и откатами назад. В этих условиях ни один из политических игроков не может рассчитывать на доминирование продолжительное время, даже имея ситуативные преимущества в переписывании “правил игры” “под себя”. Благодаря этому рассматриваемые страны остаются пусть и на несовершенных (в смысле демократической консолидации) траекториях, но все же ведущих в демократическом направлении (сравните данный кластер с четвертым или пятым). Следует отметить, что зачастую источником и одновременно проявлением отмеченных несовершенств являются конфликты, связанные с выбором институционального дизайна и присутствием среди выбранных опций президентской республики.

В третьем кластере (“Прорыв к демократии”) – две страны: Сербия и Хорватия, на посткоммунистические трансформации которых крайне негативное влияние оказали широкомасштабное насилие в ходе гражданских войн и вовлечение в конфликты на территории соседних государств в процессе долгого распада Югославии. Эти государства стали заложниками подъема национализма, приведшего к почти десятилетию ожесточенных вооруженных конфликтов. Тем не менее, пришедшим к власти (под прямым западным давлением) новым политическим лидерам (в рамках сложных коалиций), не связанным с предшествующими режимами Милошевича и Туджмана, удалось вывести эти две бывшие югославские республики из фактической международной изоляции, провести комплексные реформы, позволившие осуществить рывок к демократии, быструю реализацию демократического проекта (в том числе благодаря выбору парламентских порядков). “Прорыв к демократии” имел высокую цену. Так, Сербия фактически потеряла автономный

край Косово и Метохия. И Сербии, и Хорватии пришлось сотрудничать с Международным уголовным трибуналом по бывшей Югославии в части поиска и наказания военных преступников, что не прибавляло реформаторам популярности, учитывая, что некоторые из считающихся военными преступниками до сих пор пользуются уважением многих соотечественников.

Четвертый кластер (“*Проблемные траектории*”) дает нам примеры трансформаций в существенно различающихся стартовых условиях России, Армении и Киргизии. Неспособность и/или нежелание ключевых акторов искать компромиссы, готовность к применению насилия для разрешения конфликтов с политическими оппонентами и достижения своих целей, нежелание признавать легитимность оппозиции, страх перед открытой политической конкуренцией, очевидное доминирование президентской монополии и боязнь потерять власть (а вместе с ней собственность и свободу) — все это привело к возникновению гибридных режимов с непредсказуемым будущим. То, что эти страны “застряли”, то, что в них воспроизводятся, но не решаются одни и те же проблемы, можно объяснить не столько “неправильными” структурными условиями, сколько действиями политических акторов.

В пятом кластере (“*По пути к автократии*”) — страны, стартовые условия трансформации которых также существенно различались, в некоторых случаях будучи, казалось бы, вполне благоприятными (например, в Беларуси и Казахстане). Напротив, Азербайджан и Таджикистан “выходили из коммунизма” в условиях набирающих силу внутренних конфликтов с использованием насилия, вплоть до гражданской войны. В случае Азербайджана значимым фактором были открыто националистические и недемократические программы оппозиции (в 1990-е годы), в случае Таджикистана — блокировка национально-демократической оппозиции и исламистов. Однако в целом для стран этого кластера решающее значение имели действия политиков-автократов, создавших недемократические режимы с сильным персоналистским компонентом. При создании этих режимов и, главное, ради их сохранения применяются почти любые средства — от репрессий в отношении оппозиции до плебисцитов и конституционных изменений, призванных гарантировать сохранение режимов, и др.

Наконец, две страны, образующие шестой кластер (“*Консолидированные автократии*”), — Туркменистан и Узбекистан — дают нам не вызывающие сомнения примеры замены “советского авторитаризма” “постсоветским”, основанным на неопатримониальных и султанистских практиках. Опять-таки решающим фактором стали не исходные структурные условия, а политические стратегии и тактики. После распада советского режима старая номенклатура полностью сохранилась, разрыв с предшествующими (недемократическими) традициями не произошло. Влиятельных номенклатурных конкурентов у новых “пожизненных президентов” не было, как не было и массового спроса на перемены. Однако надежды на беспрепятственное “султанистское” правление иллюзорны, и сначала Узбекистан столкнулся с исламистским вызовом, а в перспективе с ним же может столкнуться и Туркменистан. В этих условиях репрессивный аппарат — эффективный инструмент в руках автократов, но тем масштабнее будет и вызов светским автократам Центральной Азии.

Качественный сравнительный анализ шести кластеров не ставит точку в теоретическом споре о “примате” структурных и процедурных (актор-ори-

ентированных) факторов. Тем не менее, можно сделать ряд выводов по результатам кластеризации и ее интерпретации. Во-первых, компоновка кластеров может объясняться спецификой соединения (“пропорцией”) конкретных структурных и процедурных факторов, т.е. для конкретных кластеров (значит, для стран, их составляющих) имеется свой специфический набор факторов и способ их соединения, дающий вполне определенный результат (например, “консолидированные автократии” или государства, сильно продвинувшиеся на пути “к демократической консолидации”). Во-вторых, можно утверждать (исходя из полученных кластеров, но главным образом, из “аномалий” в их составе), что вероятно отсутствие автоматических эффектов (“гарантий”) проявления относительно благоприятных или неблагоприятных структурных факторов вне контекста действий акторов. Иначе говоря, действия акторов, принятые ими решения могут привести к тому, что демократические порядки приживутся (по крайней мере, в среднесрочной перспективе) вопреки бедности, расколам, проблемным соседям и т.п. Впрочем, возможна и обратная ситуация. В-третьих, к числу значимых процедурных факторов с точки зрения их влияния на положительный исход режимных трансформаций относятся следующие: 1) наличие и способ давления на “старый режим” (более конкретно, наличие давления “снизу”, например, в виде массовых демонстраций, причем желательно сохранение давления “снизу” и после распада “старого режима”, что дисциплинирует реформаторов); 2) действия предшественников “старого режима” (не рефлексивные попытки спасти положение любой ценой, а готовность к переговорам, круглым столам с теми, кто оспаривает их власть); 3) способ прихода реформаторов к власти и их происхождение (соотношение сил на начальном этапе трансформации; наличие раскола в правящей партии и появление в ее рядах реформаторов, готовых к диалогу с теми, кто бросает вызов “старому режиму”; скорость прихода к власти не связанной со “старым режимом” оппозиции в начале трансформации и в целом ротация в исполнительной и законодательной власти); 4) характер оппозиции, претендующей на власть (консолидированная в организационном и программном отношении оппозиция), и особенности ее программы (здесь ключевым оказывается доминирование демократических элементов над националистическими или религиозными; в противном случае демократический проект обречен); 5) институциональный дизайн (и “старого режима”, и возникающего; на группе посткоммунистических стран четко проявляется вклад парламентских порядков и/или последовательных ограничений президентской власти в консолидацию демократии); 6) внешние условия, наличие (или отсутствие) внешнего демократического ориентира и помощи извне (со стороны демократических государств).

Возвращаясь к полученным в ходе предпринятого анализа и кратко описанным выше шести кластерам, мы хотели бы подчеркнуть, что осознаем ограничения, свойственные алгоритму иерархического кластерного анализа, связанные с отсутствием надежных теоретических оснований для выбора типа расстановки и способа объединения кластеров. Тем не менее, считаем, что в итоге получены вполне содержательные результаты, позволяющие подтвердить ранее полученные статистическими методами выводы [см. Мельвил, Стукал 2011; Мельвил, Стукал, Миронюк 2011; Melville, Stukal 2011] о роли различ-

ных — структурных и процедурных (актор-ориентированных) — факторов в определении траекторий режимных трансформаций в посткоммунистических странах. Далее мы обращаемся к вопросу о том, как характеристики и типы формируемой в процессах трансформаций новой государственности (государственной состоятельности) связаны с траекториями режимных изменений.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР РЕЖИМНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

В литературе по политической компаративистике в качестве почти априорной посылки распространен аргумент о том, что государство (в иной терминологии — государственность) является обязательной предпосылкой демократии [Rustow 1970: 337–363; Tilly 2007; Linz, Stepan 1996; Fukuyama 2005: 84–88; Fukuyama 2007: 10–13; Moller, Skaaning 2011]. Исторически современные государства возникали совершенно недемократическим образом, в насилии и крови, но на определенных этапах развития некоторым из них удалось создавать и поддерживать демократические (в современном значении) институты и практики [Weber 1976; Tilly 1992; Van Creveld 1992]. Зачем и почему — это другой и не менее важный вопрос, но в нашем исследовании он не профильный. Считается, что без государства демократия невозможна². И в общем плане это, конечно, верно: демократия не может существовать в “безгосударственном” пространстве, она в качестве современной практики является вариантом взаимосвязи государственных и гражданских институтов. Однако в существующей теоретической и эмпирической литературе нет достаточно четкой концептуализации и дифференциации типов государственности и их взаимосвязи с вариантами и траекториями режимных изменений.

Есть и другие важные для нас вопросы, которые отчасти поднимаются в других исследованиях и связаны с проблематикой демократизации и формирования институтов новых демократий. В частности, какой должна быть последовательность действий (так наз. проблема *sequencing*) по осуществлению политических реформ и созданию эффективных государственных институтов (особенно в тех случаях, когда речь идет о новых государствах)? Иными словами, всегда ли строительство этих институтов должно предшествовать демократизации, чтобы избежать угрозы неуправляемости и хаоса³? Или все же возможны параллельные стратегии, т.е. строительство новых, но уже изначально демократических государственных институтов?

Чтобы разобраться в этих вопросах, мы хотим, прежде всего, понять, как анализировать различные аспекты государственности, в том числе в качестве факторов, способных влиять на современные режимные трансформации. Нашей отправной точкой является существующая литература по исследуемой проблематике [Almond 1988: 853–874; Nettle 1968: 559–592; Tilly 1975; Tilly 1992; Tilly 2007; Evans 1997; Spruyt 1994; Bartolini 1999; Roeder 2007; Fritz 2007; Vack, Hadenius 2008: 1–24; Moller, Skaaning 2011; Ильин 1995; Ильин 2005; Мельвиль, Ильин, Мелешкина и др. 2007; Melville, Polunin, Ilyin et al 2010; Ильин 2008: 7–33; Ильин, Мелешкина, Мельвиль 2010; Ильин 2011;

² “Демократия — это форма осуществления власти в современном государстве. Таким образом, без государства современная демократия невозможна” [Linz, Stepan 1996: 17].

³ Фактически, именно об этом говорил еще Д. Растоу в своей модели последовательностей демократических преобразований [Rustow 1970].

Мелешкина 2011 и др.]. Соответственно, мы понимаем государственность как комплекс “*статусности*” (*statehood*) и “*состоятельности*” (*stateness*). Категория государственности как статусности отражает фактическое внешнее и внутреннее признание государства в качестве суверена (суверенного члена международного сообщества, состоящего из таких же суверенов). Категория государственности как состоятельности отражает характеристики государства в части осуществления своих эволюционирующих по мере его развития функций, их качества и объема. При этом эволюция, распад и становление государственности определяются воздействием совокупности как “объективных” (“структурных”), так и “субъективных” (“процедурных”) факторов.

Различные сочетания указанных факторов определяют сходства и различия в типах упадка и становления государственности на ключевых этапах политических трансформаций (в нашем случае — посткоммунистических стран). Вместе с тем, мы предполагаем, что базовые модели развития государственности отличаются определенной устойчивостью и значительной степенью инвариантности: новые модели государственности сохраняют значительную долю преемственности и в тех или иных формах склонны к воспроизводству исторически устоявшихся паттернов развития, во многом независимо от специфики режимных изменений. Таким образом, предшествующие традиции государственности воздействуют на существенные характеристики новых политических режимов, возникающих в ходе политических трансформаций в посткоммунистических странах.

На основании упомянутой выше литературы по проблематике современной государственности в аспектах статусности и состоятельности мы выделяем следующие базовые функции современного государства:

- (1) обеспечение *внешней безопасности*;
- (2) обеспечение *внутреннего порядка*;
- (3) обеспечение *легитимности*;
- (4) обеспечение *управления*;
- (5) обеспечение *развития*.

Разумеется, разные государства по-разному исполняют эти функции в зависимости от существующих традиций, возникающих внешних и внутренних вызовов, национальных приоритетов, избираемых политическими элитами стратегий и др. Например, внешнюю безопасность можно пытаться обеспечить односторонним наращиванием военного потенциала или интеграцией в существующие международные военно-политические организации. Внутренний порядок может обеспечиваться репрессивным аппаратом или общественным принятием норм *Rechtsstaat*. Легитимность может вытекать из харизмы или общественного согласия относительно критериев принадлежности к демосу и политике. Управляемости можно добиваться выстраиванием “вертикали” или улучшением качества институтов. К развитию можно стремиться, опираясь на природные ресурсы или человеческий капитал. При этом эффективность и качество исполнения функций современного государства будут разными в зависимости от имеющихся структурных условий, с одной стороны, и избираемых стратегий — с другой.

Возникает методологический вопрос: можно ли (и если да, то как) измерить реализацию этих функций современного государства применительно к рас-

смагиваемым нами странам? Это в том числе вопрос не только желательных критериев, но и наличных данных. С учетом неизбежных статистических и иных ограничений мы остановились на следующем наборе индикаторов, позволяющих судить об обеспечении этих функций и определяемых статистическим или экспертным способом⁴:

Внешняя безопасность:

- (а) наличие агрессии на территорию данного государства (экспертная оценка);
- (б) наличие территориальных претензий к данному государству (экспертная оценка);
- (в) неопределенность границ (экспертная оценка).

Внутренний порядок:

- (а) наличие террористической активности (экспертная оценка);
- (б) гражданская война (экспертная оценка);
- (в) наличие незаконных вооруженных формирований (экспертная оценка);
- (г) исчезновения людей (по данным *CIRF*);
- (д) внесудебные расправы (по данным *CIRI*).

Легитимность:

- (а) изменчивость базовых конституционных правил (экспертная оценка);
- (б) согласие с основами конституционного порядка (экспертная оценка);
- (в) наличие политических заключенных (*CIRI*).

Управление:

- (а) “приватизация” государственных полномочий (экспертная оценка);
- (б) эффективность государственного управления (по данным Всемирного банка);
- (в) контроль над коррупцией (по данным Всемирного банка);
- (г) качество экономического регулирования (по данным Всемирного банка).

Развитие:

- (а) расходы на здравоохранение (по данным Всемирного банка);
- (б) расходы на НИОКР (по данным Всемирного банка);
- (в) внутренний кредит частному сектору (по данным Всемирного банка).

Руководствуясь пятью перечисленными выше группами индикаторов, мы предложили векторный подход к моделированию государственной состоятельности [Стукал, Хавенсон 2012]. В рамках этого подхода государственная состоятельность измеряется вектором индексов, каждый из которых отражает один из пяти аспектов функционирования государства. Индексы создаются путем извлечения первой главной компоненты для соответствующего набора индикаторов (для всех построенных индексов лишь первая главная компонента удовлетворяет критерию Г.Кайзера: лишь первое собственное число корреляционной матрицы индикаторов больше единицы). В результате применения такой методики был получен набор из пяти индексов для рассматриваемых государств за два десятилетия (1990-е и 2000-е годы). Десятилетие ока-

⁴ Экспертные оценки выставлялись по 4-балльной шкале (от 1 до 4), где 1 означает “признак совершенно не характерен”, а 4 – “признак характерен”.

⁵ Cingranelli – Richards Human Rights Data Project. URL: <http://ciri.binghamton.edu>

зались минимальным периодом, за который возможно было закодировать ряд экспертных переменных, поэтому оно было выбрано в качестве временного шага. При этом значения статистических признаков, для которых в базе присутствовали ежегодные данные, усреднялись по десятилетию. Чтобы различия в нормировке в дальнейшем не мешали изучению динамики государственности, построение главных компонент осуществлялось по двум десятилетиям одновременно. При этом для проверки предложенного подхода к измерению государственной состоятельности индексы были также построены отдельно для каждого десятилетия, что подтвердило устойчивость модели.

Результаты построения пятимерной модели государственной состоятельности представлены в Приложении 2. Все вычисленные индексы воспроизводятся не только на объединенном для двух десятилетий массиве, но и отдельно для 1990-х и 2000-х годов. Это свидетельствует о некоторой устойчивости эмпирически построенной модели. Достаточно удовлетворительным, на наш взгляд, является также качество построенных индексов, которые учитывают от 62,51% до 89,34% совокупной вариации исходных индикаторов (Приложение 2, столбец № 6). Полученный результат свидетельствует о возможности эмпирической верификации предложенной пятимерной модели государственной состоятельности.

Сложностью работы с векторными индексами обусловлено решение о построении классификации государственной состоятельности стран на посткоммунистическом пространстве. Мы искали такие сочетания различных измерений пятимерной модели государственной состоятельности, которые могли бы указывать на виды государств, типологически различающиеся с точки зрения выполнения ими своих базовых функций. Для этого использовался визуальный анализ так наз. лепестковых диаграмм⁶, построенных для двух периодов (1990-е и 2000-е годы).

На данном этапе исследования мы решали две взаимосвязанные задачи. Во-первых, это распределение анализируемых нами стран по *различным типам государственной состоятельности*, а во-вторых – выявление *динамики государственной состоятельности* в течение двух последних десятилетий и ее связи с *траекториями режимных трансформаций*.

ТИПЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

Критериями отнесения изучаемых стран к различным типам государственной состоятельности являются реальные способности государств обеспечивать внешнюю безопасность, внутренний порядок, легитимность, управленческую способность и условия для развития. Применительно к используемому в нашем проекте массиву данных о посткоммунистических странах мы выделяем *три типа государственной состоятельности*, которые условно (за неимением пока что более точной терминологии и с учетом предварительных результатов нашего исследования) называем: (а) “*полной*”; (б) “*худой*” и (в) “*средней*”.

Первый тип “*полной*” (“*полнотелой*” – в нашем понимании) или стремящейся к “*полноте*” государственной состоятельности характерен для тех посткоммунистических стран, которые в ходе трансформационных процес-

⁶ Речь идет о графиках, часто именуемых “паутинками” (*spiderweb, radarchart*) и впервые использованных для визуализации многомерных признаков немецким статистиком Георгом фон Майром в 1877 г.

сов, в том числе на основе имеющихся у них благоприятных социально-экономических и иных предпосылок, но прежде всего благодаря действиям ключевых политических акторов, могли принимать и осуществлять политические решения, нацеленные на развитие функций современного социального государства и расширение их «объема». Принципиально важно подчеркнуть, что используемый нами критерий «полноты» государственной состоятельности не соотносится с «силой» или «мощью» государства, его способностью обеспечивать «властную вертикаль» или международное влияние [см. Мельвил, Ильин, Макаренко и др. 2009]. Это, скорее, государственная состоятельность «с точки зрения потребностей человека и общества».

Среди посткоммунистических стран, стремящихся к «полноте» государственной состоятельности (с учетом обозначенных выше параметров), можно выделить Болгарию, Венгрию, Литву, Словению, Словакию, Польшу, Чехию, Эстонию и др. Это страны, стремящиеся к: (а) обеспечению внешней безопасности, прежде всего, с использованием международных институтов («под зонтиком» НАТО); (б) обеспечению внутреннего порядка в критериях *Rechtsstaat* при условии отсутствия серьезных вызовов для него; (в) поддержанию необходимых общественных условий для легитимности государства и политического режима; (г) обеспечению качества институтов и административного управления; (д) созданию комплекса условий для развития человеческого капитала, инновационной деятельности и частного предпринимательства.

В этой группе — очень разные страны, и направления расширения «объема» их государственной состоятельности неравномерны. Среди них выделяется стабильная подгруппа стран с относительно ровной динамикой (Венгрия, Словения, Словакия, Польша). Выделяется и подгруппа стран, для динамики государственной состоятельности которых на протяжении двух десятилетий характерно более интенсивное «расширение», причем по разным «векторам» (Болгария, Македония, Латвия, Литва, Румыния, Чехия, Эстония). В эту группу стремится Хорватия — образец драматического по масштабу прорыва к высокой степени государственной состоятельности, практически одновременно с прорывом к демократии, происшедшим не без влияния извне.

Важно, что все эти страны, стремящиеся к «полноте» государственной состоятельности (в нашем понимании), движутся в демократическом направлении. Но есть и аномалия, отмеченная нами и в анализе траекторий посткоммунистических трансформаций, в том числе применительно к наличию или отсутствию структурных предпосылок. Это Молдова, которая (в контексте нашего анализа) имеет крайне слабый и односторонний («худой») потенциал государственной состоятельности, но, тем не менее, пока что демонстрирует демократический потенциал развития.

Второй, полярный, тип государственной состоятельности — условно говоря, «худой». Это те посткоммунистические страны, которые изначально имели относительно ограниченные социально-экономические и иные ресурсы для развития и обеспечения всех функций современной государственной состоятельности. Тем не менее, и в этих случаях решающим фактором были не столько исходные условия, сколько политические решения и действия.

Одни из них смогли продвинуться в обеспечении внутреннего порядка какими бы то ни было средствами (в том числе силовыми), у других это было резуль-

татом преимущественно внешнего влияния, у третьих — результатом внутренней эволюции. У этих стран разные типы и уровни легитимности и разный потенциал поддержки условий для комплексного развития (развития человеческого капитала, научно-исследовательских разработок и инноваций, поддержки экономических инициатив). В большинстве случаев это явно несбалансированное расширение или, условно говоря, «пульсирующее» изменение объема государственной состоятельности, особенно когда сохраняются факторы торможения, например, территориальные претензии, низкое качество институтов или ограниченность ресурсов для развития. Это характерно, например, для Армении, Азербайджана, Грузии, Молдовы.

Третий тип государственной состоятельности — условно, «средний», характерен (с точки зрения разработанной нами методологии анализа) для таких стран, как Россия, Украина, Казахстан, Беларусь, Монголия. Это очень разные страны, стоящие перед различными внутренними и внешними вызовами и имеющие различные трансформационные траектории. Элиты в этих странах формируют различные политические стратегии (достаточно сравнить Беларусь с Монголией). И все же их объединяет «средний» объем государственной состоятельности, понимаемой как степень и характер выполнения современным социальным государством своих базовых функций.

ДИНАМИКА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ И ТРАЕКТОРИИ РЕЖИМНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Осуществленный нами анализ позволяет выделить пять разновидностей динамики государственной состоятельности посткоммунистических стран (см. соответствующие примеры в виде лепестковых диаграмм в *Приложении 3*):

(1) *Равномерное расширение «полнотелой» государственной состоятельности.*

Характерные примеры — Венгрия, Болгария, Латвия, Литва, Словакия, Словения, Польша, Чехия, Эстония. Этот тип динамики характерен для достаточно «успешных» стран, которые относительно плавно «вышли из коммунизма» и под «западным зонтиком» смогли построить социально ориентированные государства, обеспечивающие своим гражданам не только внешнюю безопасность и внутренний порядок, но и легитимное правление, эффективные административно-управленческие способности и потенциал для дальнейшего развития.

(2) *«Взрывное» расширение «средней» государственной состоятельности.*

Это, прежде всего, Хорватия (если бы не упомянутые выше статистические ограничители, здесь должна была бы быть и Сербия, для которой не удалось измерить государственную состоятельность в обоих десятилетиях и, следовательно, определить характер динамики). Очень характерен контраст между 1990-ми и 2000-ми годами — результатом сочетания эффектов внутренних перемен и внешнего воздействия становится резкое продвижение по всем параметрам государственной состоятельности.

(3) *Резкое сокращение «средней» государственной состоятельности.*

Здесь один, но крайне характерный пример — Киргизия. Это единственная из анализируемых нами стран, где в результате внутренних конфликтов происходит «сжатие» совокупного «объема» государственности, вызванное ослаблением всех государственных функций.

(4) *Минимальная динамика “средней” государственной состоятельности.*

Представленные в этой группе страны (Беларусь, Казахстан, Монголия, Россия, Украина) демонстрируют очень незначительную динамику государственной состоятельности. И это несмотря на то, что во многих отношениях они серьезно отличаются друг от друга — и по стартовым (“структурным”) условиям, и по стратегиям политических акторов, и экономическим, политическим и иным результатам развития. Важно, тем не менее, что в плане исполнения базовых государственных функций их динамика минимальна.

(5) *Крайне неравномерное (однобокое) расширение “худой” государственной состоятельности.*

Страны этой группы — Азербайджан, Армения, Грузия, Молдова — тоже очень разные во всех отмеченных выше отношениях, но их объединяет слабая (“худая”) государственная состоятельность и ее однобокая динамика от 1990-х к 2000-м годам, связанная, по-видимому, с “реактивным”, “неупреждающим” реагированием на разнообразные внутренние кризисы (в том числе вызванные не без внешнего влияния).

Перед нами встает вопрос, который мы формулировали в виде одной из наших гипотез: существует ли и, если да, то какая связь между типами и динамикой государственной состоятельности, с одной стороны, и с траекториями режимных трансформаций — с другой? Нам представляется, что существенные элементы этой связи налицо и значимы (хотя на нынешнем этапе исследования мы пока что не в состоянии дать им развернутое теоретическое обоснование).

Во-первых, как показывает наш эмпирический анализ, демократиям соответствует “полнотелая” государственная состоятельность (“сила”, “мощь” и “влияние” — это совсем другие категории!). Высокая степень внешней суверенности желательна, но, строго говоря, не обязательна для демократии. Траектории демократизации, как правило, связаны с расширением государственной состоятельности. Но есть и “аномалии”: Монголия и совсем “кричащий” пример — Молдова. Напомним, что и в анализе факторов режимных изменений это тоже аномальные случаи. Впрочем, для вынесения обобщающих заключений будет важен и мониторинг дальнейших траекторий политического развития этих стран.

Во-вторых, очевидно, что в общем и целом “худые” государственные состоятельности не присущи демократиям и демократическим траекториям (хотя и с аномальными исключениями — пока что это Молдова). Почему это так? Вероятно, потому, что автократам легче править в условиях социально-экономического дефицита и слабого качества институтов (хотя есть и очень важные нюансы [см. Gandhi 2008; Chagnon 2010; Frantz, Ezrow 2011]), подерживая у сограждан чувство “осажденной крепости” (периодически меняя фигуру осаждающего). Либо потому, что автократы разные, и правят они в разных “структурных” и конкретных политических условиях, и политические стратегии у них разные? Эти страны демонстрируют крайне однобокую динамику — преимущественно в направлениях обеспечения внешней безопасности и/или внутреннего порядка (иногда это связано с ростом легитимности власти или, вероятно, автократа, умело власть олицетворяющего).

В-третьих, страны “среднего” типа государственной состоятельности, как кажется, не слишком склонны к динамике (хотя тоже с “негативными”

исключениями — Киргизия). Кроме того, здесь трудно выявить сколь-нибудь внятную связь между типом и динамикой государственной состоятельности и траекториями режимных изменений. В этой группе мы видим страны очень разных режимных траекторий — от Беларуси до Монголии. Очень важно для нашего дальнейшего исследования будет проследить эти траектории в обозримой перспективе, оценить их устойчивость и понять влияние на них разных факторов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное нами с использованием многомерных статистических и качественных сравнительных методов исследование подтверждает четыре гипотезы, сформулированные во введении на основании критического изучения существующей теоретической и эмпирической литературы.

Во-первых, применение иерархического кластерного анализа позволило выделить шесть типологически различающихся видов траекторий режимных трансформаций, обусловленных специфическими сочетаниями структурных и процедурных факторов: “К демократической консолидации”, “По пути к демократии”, “Прорыв к демократии”, “Проблемные траектории”, “По пути к автократии”, “Консолидированные автократии”.

Во-вторых, применение метода главных компонент свидетельствует о возможности построения и достаточно устойчивой во времени (1990–2000-е годы) пятимерной модели государственной состоятельности. Предложенная модель оказывается пригодной для моделирования государственной состоятельности посткоммунистических государств.

В-третьих, понимание государственной состоятельности как способности государства обеспечивать выполнение своих основных функций и измерение этой способности с помощью пятимерной модели позволяет выделить три типа государственной состоятельности (условно говоря, (1) “полная”; (2) “худая” и (3) “средняя”) и пять типов ее динамики на посткоммунистическом пространстве: (1) равномерное расширение “полнотелой” государственной состоятельности; (2) “взрывное” расширение “средней” государственной состоятельности; (3) резкое сокращение “средней” государственной состоятельности; (4) минимальная динамика “средней” государственной состоятельности; (5) крайне неравномерное (однобокое) расширение “худой” государственной состоятельности.

В-четвертых, качественный сравнительный анализ связи типов государственной состоятельности и траекторий режимных трансформаций на посткоммунистическом пространстве в 1990–2000-е годы позволяет говорить о том, что страны, стремящиеся к более полной реализации функций современного социального государства и демонстрирующие более “полную” государственную состоятельность, как правило, движутся в демократическом направлении (даже если единожды или периодически “оступаются”). Страны с “худой” государственной состоятельностью, как правило, являются консолидированными автократиями или движутся по пути к ней. Кроме того, мы выявляем своего рода аномальные, но очень важные для исследования страновые казусы — например, Молдова, с демократической траекторией трансформации, но при этом с “худой” госу-

дарственной состоятельностью. Очевидно, что это предмет для дальнейшего анализа.

В ходе дальнейшего исследования мы намерены верифицировать предложенную типологию режимных трансформаций, государственной состоятельности и ее динамики на более широком массиве государств, участвовавших в процессах режимных трансформаций, начиная с 1970-х годов и вплоть до самого последнего времени. Анализ факторов и закономерностей режимных трансформаций четырех последних десятилетий, иногда представляемых в виде разных “волн демократизации” — “третьей” (“классической”), “четвертой” (“посткоммунистической”) и теперь “пятой” (“арабской”), — в более широком сравнительном контексте позволит, на наш взгляд, продвинуться в решении вопроса о приоритете структурных и процедурных факторов и его возможной зависимости от контекста политического процесса. Отдельной исследовательской задачей является выявление устойчивости полученных нами результатов к смене исходных индикаторов политического режима, а также качества и объема реализации государственных функций. На пути решения этой задачи мы, однако, неминуемо сталкиваемся с рядом существенных ограничений, связанных с масштабом и характером доступных для анализа данных. Поиск возможных путей преодоления этих ограничений — в числе наших дальнейших задач. Наконец, большой интерес для нас представляет более строгий анализ связи между государственной состоятельностью и режимными трансформациями. Получив в настоящее время качественные выводы о характере и механизмах этой связи, мы намерены подтвердить их с помощью количественного исследования.

Ильин М.В. 1995. *Очерки хронополитической типологии*. М.: МГИМО.

Ильин М.В. 2005. Суверенитет в условиях глобализации. — *Политическая наука*, № 4.

Ильин М.В. 2008. Возможна ли универсальная типология государств? — *Политическая наука*, № 4.

Ильин М.В. 2011а. Пределы государственной состоятельности стран мира. — *Сравнительная политика*, № 3.

Ильин М.В. 2011б. Альтернативные формы суверенной государственности. — *Сравнительная политика*, № 3.

Кудряшова И.В. 2011. Государственная состоятельность как критерий легитимности новых государств. — *Сравнительная политика*, № 3.

Мелешкина Е.Ю. 2011. Исследования государственной состоятельности: какие уроки мы можем извлечь? — *Политическая наука*, № 2.

Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К. 2011. Условия демократии и пределы демократизации. Факторы режимных изменений в посткоммунистических странах: опыт сравнительного и многомерного статистического анализа. — *Полис*, № 3.

Мельвиль А.Ю., Ильин М.В., Макаренко Б.И. и др. 2009. *Потенциал международной влияния и эффективность внешней политики России (2008 — начало 2009 гг.)*. Аналитический доклад. М.: МГИМО.

Мельвиль А.Ю., Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю. и др. 2007. *Политический атлас современности. Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств*. М.: МГИМО.

Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г. 2011. *Факторы режимных трансформаций и типы государственной состоятельности в посткоммунистических странах (часть 1 и 2)*. Препринт WP14/2011/04. Серия WP14. М.: НИУ ВШЭ.

Стукал Д.К., Хавенсон Т.Е. 2012. Моделирование государственной состоятельности постсоциалистических стран. — *ПОЛИТЭКС*, № 1.

Almond G. 1988. The Return to the State. — *The American Political Science Review*, vol. 82, № 3.

Back H., Hadenius A. 2008. Democracy and State Capacity: Exploring a J-Shaped Relationship. — *Governance: An International Journal of Policy, Administration, and Institutions*, vol. 21, № 1.

Bartolini S. 2000. *The Political Mobilization of the European Left, 1860-1980. The Class Cleavage*. Cambridge: Cambridge University Press.

Bunce V, Wolchik S. 2008. *Mixed Regimes in Postcommunist Eurasia: Tipping Democratic and Tipping Authoritarian*. WP 1/2008. SSDD.

Charron N., Lapuente V. 2010. *Which Dictators Produce Quality of Government?* QoG Working Paper Series 2010: 11.05.

Evans P. 1992. *Embedded Autonomy: States and Industrial Transformation*. Princeton: Princeton University Press.

Fritz V. 2007. *State-Building: A Comparative Study of Ukraine, Lithuania, Belarus, and Russia*. Budapest: Central European University Press.

Fukuyama F. 2005. “Stateness” First. — *Journal of Democracy*, vol. 16, № 1.

Fukuyama F. 2007. Liberalism Versus State-Building. — *Journal of Democracy*, vol. 18, № 3.

Gore P.A. 2000. Cluster Analysis. — *Handbook of Applied Multivariate Statistics and Mathematical Modeling*. San Diego: Academic Press.

Jackson R. 1990. *Quasi-States: Sovereignty, International Relations and the Third World*. Cambridge: Cambridge University Press.

Linz J., Stepan A. 1996. *Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America and post-Communist Europe*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Melville A., Stukal D. 2011. Russia’s Post-Communist Transformation in a Comparative Perspective. — *20 Years and Onward — Post-Soviet Russian Politics: Ideologies, State Systems and World Strategies*. Seoul: Institute of Russian Studies, Hankuk University of Foreign Studies.

Melville A., Polunin Yu., Ilyin M. et al. 2010. *Political Atlas of the Modern World. An Experiment in Multidimensional Statistical Analysis of the Political Systems of Modern States*. Oxford: Wiley-Blackwell.

Moller J., Skaaning S.-E. 2011a. Stateness First? — *Democratization*, vol. 18, № 1.

Moller J. and Skaaning S.-E. 2011b. *Structural Determinants of Non-Democracy during the Third Wave*. Paper prepared for presentation at the IPSA-ECPR joint conference in Sao Paulo, February 16-19.

Nettle J. 1968. The State as a Conceptual Variable. — *World Politics*, vol. 20, № 4.

Roeder P. 2007. *Where Nation-States Come From: Institutional Change in the Age of Nationalism*. Princeton: Princeton University Press.

Rustow D. 1970. Transitions to Democracy: Towards a Dynamic Model. — *Comparative Politics*, vol. 2, № 3.

Scheibler D., Schneider W. 1985. Monte Carlo tests of the accuracy of cluster analysis algorithms: A comparison of hierarchical and nonhierarchical methods. *Multivariate Behavioral Research*, vol. 20.

Spruyt H. 1994. *The Sovereign State and Its Competitors. An Analysis of System Change*. Princeton: Princeton University Press.

Tilly Ch. (ed.). 1975. *The Formation of National States in Western Europe*. Princeton: Princeton University Press.

Tilly Ch. 1992. *Coercion, Capital and European States, AD 990-1992*. Oxford: Blackwell Publishers.

Tilly Ch. 2007. *Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press.

Van Crevelde V. 1999. *The Rise and Decline of the State*. Cambridge: Cambridge University Press.

Weber E. 1976. *Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France*. Stanford: Stanford University Press.

Кластеры траекторий режимных трансформаций посткоммунистических стран

Кластер 1

Кластер 2

Кластер 3

Кластер 4

Кластер 5

Кластер 6

Приложение 2

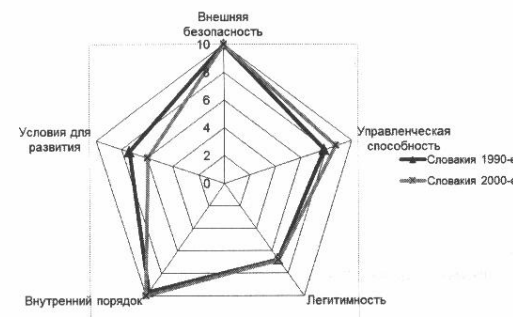
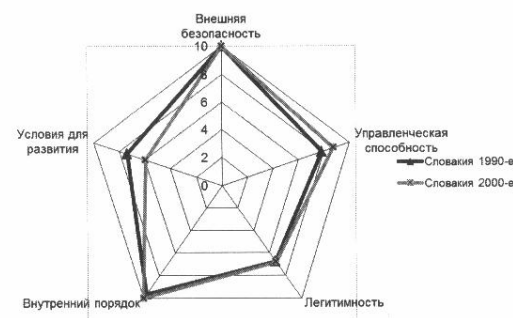
Описательные статистики индексов и исходных показателей государственной состоятельности

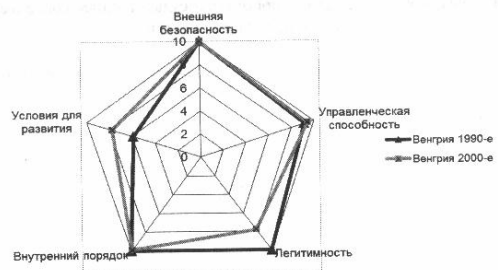
№	Индекс	Исходные показатели	Корреляция между исходным показателем и индексом	Доля учтенной индексом вариации исходного показателя	Доля учтенной индексом совокупной вариации исходных показателей
1	Внешняя безопасность	агрессия на территорию этого государства	- 0.78	0.60	70.02%
		территориальные претензии к этому государству	- 0.82	0.68	
		неопределенность границ	- 0.91	0.82	
2	Внутренний порядок	терроризм	- 0.79	0.63	76.80%
		гражданская война	- 0.90	0.81	
		незаконные вооруженные формирования	- 0.94	0.88	
		исчезновения людей (CIRI) обратная кодировка	0.87	0.75	
3	Легитимность	внесудебные расправы (CIRI) обратная кодировка	0.89	0.78	62.51%
		изменчивость базовых правил	- 0.82	0.67	
		согласие по основам конституционного порядка политические заключенные (CIRI)	0.78	0.61	
4	Управленческая способность	политические заключенные (CIRI)	0.77	0.59	89.34%
		“приватизация” государственных полномочий	- 0.91	0.82	
		эффективность государственного управления по версии ВБ	0.96	0.93	
		контроль над коррупцией по версии ВБ	0.96	0.93	
5	Условия для развития	качество регулирования по версии ВБ	0.95	0.90	68,25%
		расходы на здравоохранение (% ВВП)	0.88	0.77	
		расходы на НИОКР (% ВВП)	0.81	0.66	
		внутренний кредит частному сектору (% ВВП)	0.78	0.62	

Приложение 3

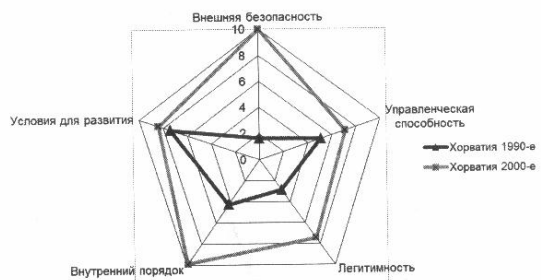
Выборочные лепестковые диаграммы динамики государственной состоятельности посткоммунистических стран

1. Равномерное расширение “полнотелой” государственной состоятельности

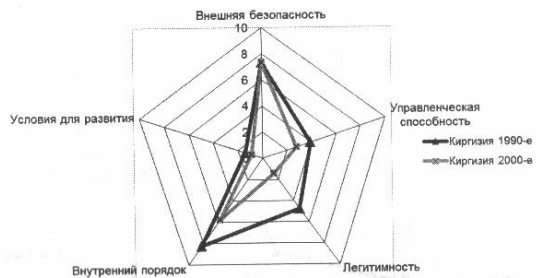

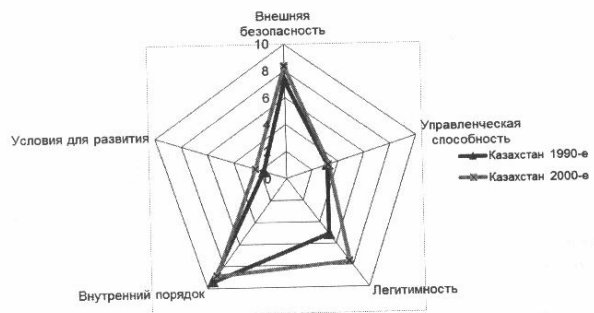
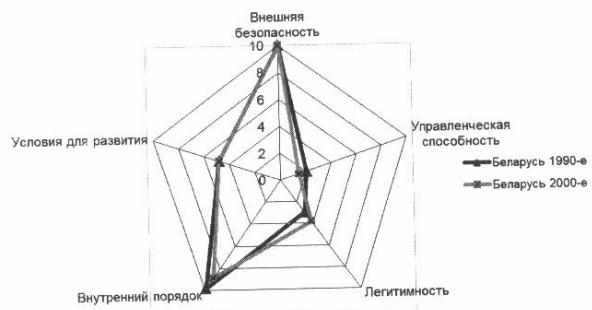
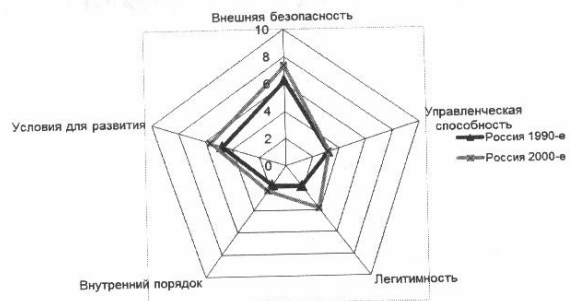
2. "Взрывное" расширение "средней" государственной состоятельности

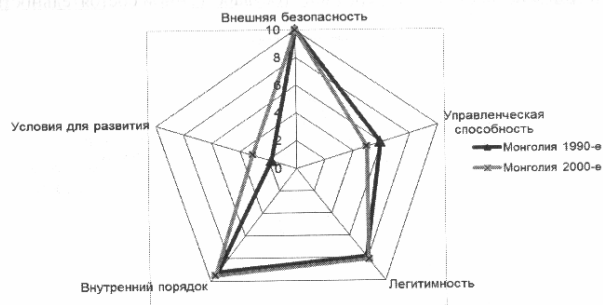

3. Резкое сокращение "средней" государственной состоятельности

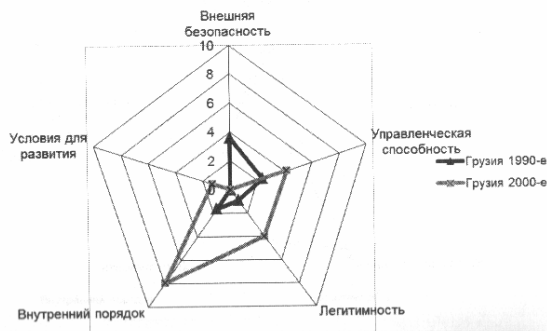
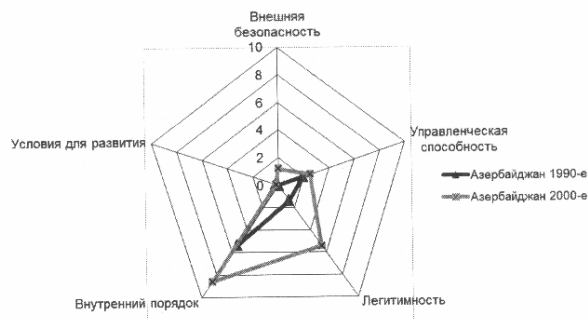

4. Минимальная динамика "средней" государственной состоятельности

5. Крайне неравномерное (однoboкoe) расширение “худой” государственной состоятельности

ФЕНОМЕН НЕКОНТРОЛИРУЕМЫХ ТЕРРИТОРИЙ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

А.Б. Себенцов, В.А. Колосов

Ключевые слова: контроль над территорией, виды, классификация, непризнанные государства, политическая карта мира.

Контроль над территорией во все времена был одним из символов реальной власти, а также ее источником. Территория, обладающая определенным природно-ресурсным потенциалом, в то же время является необходимым и объективно ограниченным вместилищем для жизни людей и размещения производств. Со времен Версальского мира главными акторами на мировой арене и владельцами этого уникального ресурса были суверенные государства, территориальность которых была и остается одним из главных их признаков. Вместе с тем, суверенитет и территориальность государств неоднократно подвергались сомнению, что приводило к их дроблению. В течение XX в. в результате распада империй и освобождения колоний число стран увеличилось с 55 до 190.

К концу XX в. стало очевидно, что наряду с массивом новых государств в географическом пространстве существует и иной род политико-территориальных образований. В середине 1990-х годов в центре внимания исследователей оказываются территории, официально находящиеся в составе какой-либо страны, но имеющие собственные органы управления, собственные власти, или же контролируемые лидерами партизанских армий, полевыми командирами, наркобаронами, местными вождями [Kolossoff, O’Loughlin 1999: 151-176; Колосов, Мироненко 2001]. Интерес к этим регионам нестабильности усилился, когда было установлено, что они используются в качестве опорных баз для террористических и криминальных группировок.

Понятие “неконтролируемая территория” (“НТ”) в нашей стране впервые встречается в работах В.А. Колосова, который одним из первых обратил внимание на частое несовпадение официальной и фактической юрисдикций над той или иной территорией в ряде стран [там же]. Схожие по значению термины использовались в работах А.И. Фурсова (“серая зона”) [Фурсов 1999: 193-231], А.И. Неклессы (территории “транзитной государственности”) и др. В зарубежной литературе наиболее распространен термин “неуправляемая территория” (*ungoverned territories, areas, spaces, zones*) [Rabasa et al 2007; Lamb 2008; Whelan 2006: 61-73; Menkhaus 2007: 67-82 и др.]. С. Макдональд [MacDonald 1993: 33-60] и К. Рауфер [Raufer 2000: 30-51] употребляют примерно в том же значении термин “серая зона” (*grey area*).

Еще один пласт преимущественно зарубежных работ посвящен проблеме ослабления государственности и изучению феномена “несостоявшихся” (*failed state*) и “рухнувших” (*collapsed state*) государств, которые являются главным

СЕБЕНЦОВ Александр Борисович, кандидат географических наук, научный сотрудник Центра геополитических исследований Института географии РАН; КОЛОСОВ Владимир Александрович, доктор географических наук, профессор, руководитель Центра геополитических исследований Института географии РАН. Для связи с авторами: vladimirkolossoff@gmail.com

О СВЕДЕНИИ АВТОРОВ

Статьи регистрируются и направляются на рецензирование только в электронном виде. Для гарантированной регистрации статей просим высылать их по одному из двух официальных электронных адресов Редакции: new-authors@politstudies.ru; new-polis@politstudies.ru. Редакция не знакомит авторов с текстом внутренних рецензий, а только сообщает о своем решении относительно публикации. Объем присылаемых в Редакцию статей – не более 1 а.л. (40 тыс. знаков). Решение о публикации принимается в течение 2-х месяцев со дня регистрации рукописи в Редакции. Представляя в Редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство не публиковать ее в ином издании без согласия Редакции.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

К тексту статьи необходимо прилагать:

аннотацию на русском и (по возможности) на английском языке;

ключевые слова (не более 12-ти);

информацию об авторе – фамилия, имя, отчество (полностью), степень, ученое звание, должность, место работы;

контактную информацию – E-mail и номер мобильного телефона.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений. Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителей, редколлегии и Редакции.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ

внутритекстовых, полстрочных и затекстовых библиографических ссылок (в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008)

Правила представления элементов библиографического описания, применение знаков предписанной пунктуации в ссылке осуществляются в соответствии с ГОСТ 7.1 и ГОСТ 7.82.

Отсылки в тексте документа заключаются в квадратные скобки и содержат идентифицирующие сведения: имя автора (авторов), год издания, обозначение и номер тома, указание страниц:

В тексте:

[Бахтин, 2003, с. 18]

В затекстовой ссылке:

Бахтин М. М. Формальный метод в литературоведении: критическое введение в социальную поэтику. М.: Лабиринт, 2003. 192 с.

В отсылке допускается сокращать длинные заглавия, обозначая опускаемые слова многоточием с пробелом до и после этого предписанного знака:

В тексте:

[Философия культуры..., с. 176]

В затекстовой ссылке:

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. 199 с.

Если ссылку приводят на многочастный (многотомный) документ, в отсылке указывают также обозначение и номер тома (выпуска, части и т.п.). Если отсылка содержит сведения о нескольких затекстовых ссылках, группы сведений разделяют знаком "точка с запятой".

Дополнительные варианты оформления ссылок и библиографии авторы могут найти на страницах журнала

© "Полис. Политические исследования", 2012, № 2, 1–192 стр.

Сдано в производство: 23.01.2012. Подписано к печати: 27.02.2012.

Формат 70 x 100 1/16. Гарнитура "Ньютон". Печать офсетная.

Печ.л. 12,0. Уч.-изд.л. 17. Тираж 2000. Цена свободная

Индекс 70790. Заказ 233

Во всех случаях полиграфического брака обращаться в типографию-изготовитель

НП "Редакция журнала "Полис" ЛР № 063400

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35,

корпус 5, оф. 212; телефон: (495) 502-43-17.

E-mail: new-polis@politstudies.ru (для текущей переписки);

new-authors@politstudies.ru (для авторов)

Отпечатано с готового оригинал-макета

в ППП "Типография "Наука" 121099, Москва, Шубинский пер., 6